

Чудеса Индии глазами венецианских путешественников XV–XVI вв.

Дмитрий В. Возчиков

*Уральский федеральный университет (УрФУ), Екатеринбург,
Россия, catullus89@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена эволюции представлений венецианцев о чудесном в странах Южной Азии в позднее Средневековье и раннее Новое время на примере отчетов двух знаменитых купцов и путешественников – Никколо Конти (1439) и Чезаре Федеричи (1587). Эти примеры демонстрируют трансформацию традиционных европейских представлений о «чудесах Индии». Никколо Конти, чей отчет записал видный гуманист Поджо Браччолини, видел чудесное главным образом в религиозных практиках региона, брахманов Конти считал философами, астрологами и чародеями. В его рассказе содержится этнографически точное описание транса. Чезаре Федеричи посетил Южную Азию уже во времена гегемонии португальской колониальной империи в Индийском океане. Для него чудесными или диковинными были скорее материальные объекты. В целом сопоставление отчетов Конти и Федеричи позволяет говорить о постепенном отходе европейского образа Южной Азии от стереотипов о «чудесах Индии».

Ключевые слова: mirabilia Indiae, чудеса, Южная Азия, Индия, Шри-Ланка, индуизм, брахманы, Никколо Конти, Чезаре Федеричи, ориентализм, средневековые путешествия, Венецианская республика

Для цитирования: Возчиков Д.В. Чудеса Индии глазами венецианских путешественников XV–XVI вв. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2020. № 3. С. 92–115. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-3-92-115

Wonders of India
as seen by the Venetian travellers
of the 15th and 16th centuries

Dmitry V. Vozchikov

Ural Federal University (UrFU),
Yekaterinburg, Russia, catullus89@mail.ru

Abstract. The paper deals with the evolution of the imagery and perception of the *miraculous* in the South Asian countries during the Late Middle Ages and the Early Modern Period as they were described by two famed Venetian merchants and travellers in their reports: Niccolò de' Conti (1439) and Cesare Federici (1587). Those examples can shed some light on how the traditional European view of the “wonders of India” was transformed during the 15th and the 16th centuries. Niccolò de' Conti's report was recorded by the prominent humanist Poggio Bracciolini. Conti saw the miraculous mainly in the religious practices of the region, he thought the Brahmins were philosophers, astrologers and sorcerers. Conti's record contains ethnographically correct description of the trance state. Cesare Federici visited South Asia yet at the time of the Portuguese colonial Empire hegemony in the Indian Ocean. He considered various material objects as the curious and remarkable things. In general, the comparison of those two reports leads to the conclusion that the European stereotypes of the “wonders of India” gradually receded from the South Asian imagery in Europe.

Keywords: mirabilia Indiae, Miracles, South Asia, India, Sri Lanka, Hinduism, Brahmins, Niccolò de' Conti, Cesare Federici, orientalism, medieval voyages, the Republic of Venice.

For citation: Vozchikov, D.V. (2020), “Wonders of India as seen by the Venetian travellers of the 15th and 16th centuries”, *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 92–115, DOI: 10.28995/2658-4158-2020-3-92-115

Страны условной «Индии», под которыми на латинском Западе понимали Южную, Юго-Восточную и даже Восточную Азию, большую часть Средневековья считались таинственной территорией сказочных сокровищ, баснословных зверей и народов-монстров, пространством чудесного. Представления об Индии как о крае ойкумены, стране чудес, чудовищ и несметных богатств укоренились еще в античной литературе, проросли в раннехристианскую традицию и в воображаемое средневековой цивилизации. Геродот, Ктесий, Мегасфен и Плиний Старший «населяли» Индию, наряду с вполне реальными народами и царствами, гигантскими

муравьями-золотоискателями, одноногими прыгунами-моноколами, псоглавцами и другими фантастическими персонажами. Римлянин Плиний Старший в «Естественной истории», авторитетной и широко цитируемой на протяжении всего Средневековья, подвел итог четырем столетиям греко-римского дискурса об Индии – крае обитаемого мира и мире крайностей: «Индия и земли эфиопов особенно изобилуют чудесами (*miraculis*)»¹. В Средневековье, как отмечал Жак Ле Гофф, «Индийский океан – это ментальный горизонт, средневековая западная экзотика, средоточие грез и вытесненных желаний» [Ле Гофф 2002, с. 175]. Чудеса Индии (*mirabilia Indiae*) были неистощимым источником и, можно сказать, полигоном образов необычного и невозможного в обыденном пространстве европейца Средних веков. И труды латинских купцов, путешественников и миссионеров, действительно побывавших в государствах Индии и Юго-Восточной Азии в XIII–XV вв., в той или иной степени неизбежно включали в себя элементы описания, отражавшие многовековую традицию *мирабилизации* – формирования и поддержания особого нарратива, построенного на идее чуда как маркера далеких пространств.

Постепенное приращение географического знания Запада в XIII–XV вв. потеснило эти мифологемы лишь частично. Не исчезли они полностью и в Новое время, хотя и подверглись существенной трансформации. Представляется плодотворным рассмотрение эволюции европейского комплекса представлений о «чудесах Индии» на примере двух путешественников из Венецианской республики, действительно многие годы проводивших в Южной и Юго-Восточной Азии: Никколо Конти, жившего в эпоху «осени Средневековья», на которую пришелся наивысший расцвет «Светлейшей синьории», и Чезаре Федеричи, который путешествовал по Азии во второй половине XVI в. В данном материале речь пойдет исключительно о странах и народах Южной Азии.

В отношении мирабилизации сведений, принесенных в Европу людьми, подолгу жившими на Востоке, очень характерна посмертная судьба Марко Поло. Венецианец Марко Поло (ок. 1254–1324) в историографии нередко изображается «настоящим Геродотом Средних веков» [Бизли 1979, с. 84]. Представляется вполне обоснованной версия отечественного исследователя А.Г. Юрченко, по мнению которого Марко Поло путешествовал отнюдь не как венецианский купец, а как агент Хубилая, гонец, дипломат и разведчик

¹ Plin. Nat. hist. VII. 23. Здесь и далее по изданию: Pliny the Elder. Natural History: in 6 vols. Cambridge; London: Harvard University Press; Heinemann, 1941. Vol. 2. Libri III–VII / with an Eng. transl. by H. Rackham. 660 p.

на службе у великого хана, и, стало быть, надиктованная венецианцем «Книга Марко Поло» являлась имперской картотеккой стран и городов [Юрченко 2007, с. 12]. Каковы бы ни были подлинные мотивы и цели создания «Книги о разнообразии мира», собрание описаний Востока Марко Поло прочно вошло в европейский дискурс об Азии и Африке уже в XIV в. Однако современники не спешили оценивать по достоинству достоверные сведения о Китае, Центральной Азии и Индии, собранные Марко Поло, относясь к его книге скорее как к развлекательному чтиву о чудесах, будоражащему воображение. Огромная популярность в XIV–XV вв. фантастической компиляции «Путешествия сэра Джона Мандевиля» (1356/1357) [Мельникова 1998, с. 136] свидетельствовала о востребованности в Европе историй о «сказочной Индии» с ее неисчислимыми чудесами.

Большая часть сферы чудесного в средневековом западном мире была постепенно оттеснена католической церковью в область суеверия, а категорию чудотворного *miraculosus* (фр. *miraculeux*), охватывающую «христианское чудесное», Церковь отделяла от чудесного *mirabilis* (фр. *merveilleux*) [Ле Гофф 2001, с. 47]. Чудеса, *mirabilia* (а к ним относились и *mirabilia Indiae*), по мнению Ж. Ле Гоффа, выполняли в средневековом европейском обществе компенсаторную функцию, противопоставлялись обыденной повседневной жизни и одновременно формировали мир наоборот, во многом сопротивлявшийся официальной христианской идеологии [Ле Гофф 2001, с. 48–50].

Собственная традиция описания «чудес Индии» параллельно латинскому Западу развивалась в мусульманском мире. Стереотипные представления об Индии как о средоточии всех форм экзотики, области удивительных, поражающих воображение явлений начали складываться в мусульманской культуре уже в эпоху Аббасидов. Жанру *mirabilia* в арабо-мусульманской традиции близко понятие *‘аджā’иб* – «чудеса», «удивительные вещи». И.Ю. Крачковский прямо именовал этот жанр арабской литературы, известный с X в., латинским термином *mirabilia*, подчеркивая его специализацию на «различных географических курьезах» [Крачковский 1957, с. 150, 385]. Эти *mirabilia* в мусульманской описательной географии могли включать в себя природные объекты, животных и явления городской жизни (мечети, дворцы, сады, городские стены, сами города, литературные произведения) как соединение природы и разума [Hanafi 1992, p. 156]. Яркий пример этого жанра – сборник рассказов купцов и мореходов о странах Южной, Юго-Восточной и отчасти Восточной Азии «Аджаиб ал-Хинд» («Чудеса Индии») Бузурга ибн Шахрияра (середина X в.). Реальные сведения о торговле, фауне и повсед-

невной жизни стран иной цивилизации в этих рассказах тесно переплелись с баснословными сюжетами².

Пополнение в позднее Средневековье не только реального географического знания средневековых европейцев, но и «эмпирического материала» для области чудесного, если к этой «летучей сфере» вообще применима подобная формулировка, в очень значительной степени осуществлялось купцами и мореходами из итальянских морских республик. Венецианская республика к середине XV в. давно пользовалась славой наиболее информированного о делах на Востоке (и, в частности, в «Индиях») европейского государства. Идея первенства на море и открытия новых земель стала одной из важных составляющих венецианского мифа. Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о народах Южной и Юго-Восточной Азии существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Венецианский дипломат и путешественник Иосафат Барбаро (1413–1494), перечисляя в «Путешествии в Тану» великих путешественников и географов далекого и недавнего прошлого, поставил Марко Поло и Никколо Конти в один ряд с Геродотом, Страбоном и Плинием и с гордостью отметил, что «оба наши венецианцы»³. Конти провел в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше двадцати лет. Рассказы венецианца об этих землях дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы»⁴, а также в пересказе кастильского путешественника идадьго Перо Тафура, которого Конти встретил на обратном пути в Европу⁵. В поле зрения данной статьи именно отчет Поджо Браччолини, сложный продукт интеллектуального диалога между венецианским путешественником и флорентийским гуманистом.

Браччолини пытался преподнести отчет Конти читателю в первую очередь как, свидетельство открытия заново стран, известных античной традиции, и именно в этом ключе отчет Конти, позднее

² См.: *Бузург ибн Шахрияр*. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р.Л. Эрлих; под ред. И.Ю. Крачковского; предисл. И. Филюштинского; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 133 с.

³ *Барбаро Иосафат*. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-российских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 137.

⁴ Poggii Bracciolini Florentini. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor*. Paris: Constelier, 1723. P. 125–148.

⁵ *Тафур Перо*. Странствия и путешествия / Пер., предисл. и коммент. Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индрик, 2006. С. 95–112.

включенный Браччолини в текст «О превратности судьбы», прошел литературную обработку. Отчет Конти можно условно разделить на две части: в первой, главным образом, идет рассказ о маршруте путешествий венецианского купца, вторая же отводится более детальному описанию хозяйства, уклада и обычаев жителей «Индий». По мнению У. Туччи, эту вторую часть можно считать в некотором роде энциклопедией [Tucci 1980, p. 341]. Присутствие собеседника-гуманиста в рассказе Конти особенно ощутимо во второй его части, где купец отвечал на прямые вопросы Браччолини [Rubiés 2000, p. 97]. Таким образом, отчет Конти Поджо Браччолини – произведение, как минимум, двух жанров: маршрутное описание и энциклопедия. Однако в этой части нередко затруднительно надежно идентифицировать, к какой из стран Востока относился тот или иной изложенный сюжет. Отсюда возникает и известная сложность: данные о разных странах – Виджаянагаре, Шри-Ланке, Мьянме, империи Мин (в последней Конти, скорее всего, не был, хотя был слышан о Китае) – оказываются нередко перемешаны во второй части отчета.

Иным был контекст путешествия купца Чезаре Федеричи (ок. 1521–1601). На заре эпохи Великих географических открытий португальцы отмечали особую информированность венецианских купцов и мореходов о восточных делах, в том числе об Индии, или Индиях, и, начиная с принца Энрике Мореплавателя (1394–1460), рассматривали свидетельства венецианских путешественников как ценный материал для своих заморских экспедиций. В первой половине XVI в. ситуация стала принципиально иной: после открытия морского пути в Индию и начала бурной колониальной экспансии Португалии в Азии среди трансконтинентальных колониальных империй «Светлейшей синьории» не нашлось места. Теперь уже венецианские купцы останавливались в португальских Гоа и Малакке. Европейский дискурс о Востоке теперь определяли не венецианцы, а португальцы. Непосредственный интеллектуальный контакт между европейцами и индийцами стал возможен только после формирования комплекса португальских колоний с центром в Гоа, составлявших *Estado da Índia* [Ванина 2011, с. 38]. Для реконструкции представлений европейцев XVI в. об индийском субконтиненте в эпоху становления и расцвета империи Великих Моголов тем большую значимость имеют нарративные источники, написанные западноевропейскими авторами, не бывшими подданными португальской короны, которые, в отличие от многих своих португальских современников, не ставили специально задач прославления португальских завоеваний и выступали в определенном смысле наблюдателями «со стороны». Среди них был и венецианец Чезаре Федеричи.

Жизнь этого неугомонного и не всегда удачливого купца довольно скудно освещена в источниках. В 1563 г. он, вложив в разные товары 1200 дукатов, отбыл на корабле «Граденига» из Венеции на венецианский Кипр, откуда, в свою очередь, отправился в сирийский Триполи, стремясь «повидать страны Леванта», а после тяжелой болезни в османской Сирии с небольшим капиталом поехал в Индию⁶. Восемнадцать лет (1563–1581) он торговал на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии. Отчет о его странствиях «Путешествие мессера Чезаре де Федеричи в Восточную Индию и по ту сторону Индии»⁷ был опубликован в Венеции в 1587 г. Отчет Федеричи отличается простым и ясным стилем, он быстро завоевал популярность как в Венеции, так и за ее пределами. В Англии уже в 1588 г. вышел английский перевод травелога венецианского купца, выполненный Томасом Хикоком. В Венеции в 1590 г. была опубликована книга «Путешествие в Восточные Индии»⁸ соотечественника Федеричи ювелира Гаспаро Бальби, побывавшего в ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии. Труд Бальби буквально изобилует целыми фрагментами, взятыми из сочинения Федеричи с минимальными изменениями главным образом в разделах, посвященных Ближнему Востоку и Южной Азии. По словам Я. Шарпантье, Бальби «обобрал своего предшественника самым бесстыдным образом» [Charpentier 1920, p. 157]. Современная историография в целом отошла от столь категорических оценок заимствований в травелогах раннего Нового времени как беззащитного плагиата [Das 2016]. Х.-П. Рубьес полагает, что причина распространения копирования *post factum* чужих сведений даже бывальными путешественниками, вроде Бальби или англичанина Ральфа Фитча, в чем пребывании в описанных ими городах и странах не приходится сомневаться, лежала в целеполагании самого жанра купеческого маршрутного описания той эпохи: совпадение сведений подтверждало для современников достоверность отчетов, главной задачей авторов которых было донесение информации, а вовсе не создание оригинального текста [Rubiés 2000, p. 105].

⁶ Tucci U. Federici, Cesare [Online] // Dizionario Biografico degli Italiani. 1995. Vol. 45. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cesare-federici_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения 18.11.2019).

⁷ Federici Cesare. Viaggio di M. Cesare dei Federici, nell'India orientale & oltre l'India: nelquale si contengo no cose dilettenoli dei riti, & de i costami di quei paesi. Venezia: Andrea Muschio, 1587. 174 p.

⁸ Balbi Gasparo. Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero Venetiano. Venezia: Camillo Borgominieri, 1590. 298 p.

В сообщениях Никколо Конти из поля зрения путешественника и собеседника уходят многие любовно взлелеянные многовековой традицией существа, которыми средневековые европейские книжники населяли Индию. Ни в рассказе Браччолини, ни в рассказе кастильцу Перо Тафуру венецианец не говорил о народах-монстрах, столь характерных для европейских мифологем о «чудесах Индии» в Средние века и нашедших множество воплощений в средневековом изобразительном искусстве. Когда Тафур, видимо, сам допускавший существование подобных существ, прямо спросил венецианца, видел ли он «всяких монстров в человеческом обличье» (великанов, одноглазых, одноногих, карликов), то Конти ответил, что ничего не слышал о таких, но удивительных животных видал⁹. Правда, в отчете венецианца Поджо Браччолини один вид существ, который может быть отнесен к народам-монстрам, все же был упомянут. Венецианец сообщил, что однажды, путешествуя по реке близ города Коччи, он увидел с корабля костры на берегу и сперва решил, что их развели рыбаки. Но индийские моряки со смехом поведали ему, что эти костры развели ицпе (ісере) – водяной народ, который питается рыбой, заманивая ее огнями, и вылезает из воды по ночам, внешне неотличимый от людей, но который «можно назвать или рыбами, или монстрами»¹⁰. Здесь, впрочем, речь идет не о продолжении западного представления о народах-монстрах, а о заимствовании из воображаемого мира индийцев персонажей, прототипом которых, как и в случае с нагами или ванарами, по-видимому, были представители племенной периферии. Еще вероятнее, что об этих антропоморфных рыбах Конти узнал от мусульман. В «Аджаиб ал-Хинд» Бузург ибн Шахрияр поведал о человекоподобных рыбах, водившихся в Серендибских заливах (побережье Индии напротив Шри-Ланки), а также в море Хабеша (Аденский залив), причем первых, по словам собеседника Бузурга, индийские цари якобы считали деликатесом, а от половой связи охотников побережья с последними рождался еще один вид человекоподобных существ¹¹. В отчете Конти ицпе уподобляются монстрам и животным не по причудливому облику, а лишь по образу жизни. Так или иначе, народам-монстрам в целом уже не было места в картине мира путешественника. Они неумолимо отступали даже из сферы чудесного.

Вся Азия восточнее Ирана в отчете Конти – «Индия»: «Вся Индия разделена на три части: первая – от Персии до реки Инд, вторая – от Инда до Ганга, а третья – все, что далее. Третья часть

⁹ Тафур Перо. Указ. соч. С. 107.

¹⁰ Poggii Bracciolini. Op. cit. P. 137.

¹¹ Бузург ибн Шахрияр. Указ. соч. С. 26.

намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам»¹².

Элементы чудесного или удивительного встречаются далеко не во всех описаниях городов и регионов «трех Индий» и носят главным образом характер яркого маркера определенного региона. Стандартная схема описания в первой части отчета Никколо Конти включает обычно справочную информацию о расстояниях, отделяющих один пункт от другого, величине города или острова, и товарах, характерных для региона.

Брахманы в отчете Конти – один из ключевых элементов удивительного в картине Южной Азии. Индийские брахманы изображены у Конти–Браччолини образованными и добродетельными мудрецами: они прямо названы «родом/племенем философов» – «*Philosophorum genus*»¹³. Примечательно, что у Плиния Старшего брахманы тоже именуются «родом» или «племенем»¹⁴ (*gens*). В первой части отчета брахманы упоминаются как просвещенные правители Шри-Ланки. Остров Цейлон (*Saillana*) представлялся венецианскому купцу своего рода республикой, скорее всего, чем-то напоминавшей ему Венецианскую республику. Цейлоном, согласно отчету Конти, правили знатные и мудрые брахманы: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей. Браммоны – философы, посвятившие всю жизнь изучению астрологии и совершенствованию добродетельной жизни»¹⁵. Конти подробно описал царский двор империи Виджаянагар, государя которой он считал самым могущественным владыкой среди индийцев¹⁶, но монархов на Цейлоне не упомянул, хотя именно в первой половине XV в. царь Паракрамабаху VI (1412–1467) сумел возродить единое сингальское государство. По-видимому, в образе брахманской республики в его рассказе предстало тамильское индуистское царство Джафна на севере острова. Судя по описанию «государства философов» на Цейлоне, Конти весьма высоко оценивал способности брахманов к управлению. Известно, что костяк государственного аппарата Виджаянагара составляли именно брахманы. Еще основатель державы Харихара I, проводя политику централизации, начал заменять наследственных глав округов назначаемыми из центра чиновниками [История Индии в средние века 1968, с. 329].

¹² *Poggii Bracciolini*. Op. cit. P. 139.

¹³ *Ibid*. P. 142.

¹⁴ *Plin. Nat. hist.* VI. 64.

¹⁵ *Poggii Bracciolini*. Op. cit. P. 143.

¹⁶ *Ibid*. P. 129.

На восприятие Цейлона как своеобразного утопического государства философов у Конти, вероятно, повлияла государственная идеология Венецианской республики, прославлявшая Венецию как уникальное общество, управляемое благородными и мудрыми сановниками. В рассказе о Цейлоне Поджо Браччолини вряд ли искажил описание Конти, так как его собственные взгляды на благородство как черту главным образом нрава, а не крови противоречили принятым в Венеции воззрениям. «Венецианский миф» отстаивал идеал благородства, в первую очередь происхождения, и видный представитель венецианского гуманизма Лауро Квирини полемизировал по этому поводу с самим Браччолини, представлявшим меритократический подход, в сочинении «О благородстве, против Поджо Флорентийца» [O'Connell 2004, p. 487]. Склонность к созданию утопических картин Никколо Конти обнаружил и в беседах с Тафуром. Мифическое государство пресвитера Иоанна в Индии в его представлении – тоже скорее республика, чем монархия, в которой пресвитер Иоанн – не конкретный персонаж, а выборный магистрат, отдаленно напоминающий венецианского дожа. В рассказе Конти пресвитера выбирала коллегия из «двенадцати мужей, благородных по происхождению и добродетели»¹⁷. Таким образом, в описаниях Цейлона у Конти отчетливо прослеживаются утопические идеи, основанные на «венецианском мифе». При этом в непринужденном диалоге с Перо Тафуром венецианец, не избежавший в этом случае легендарных сюжетов, обнаружил куда большую верность средневековым топосам описания Востока, нежели рассказывая о своих странствиях Поджо Браччолини, причем объяснение этой разницы едва ли можно свести исключительно к редакторской работе папского секретаря.

Рассказ о брахманах как элемент описания региона помещен в общий контекст географических сведений об острове. В рассказе о Цейлоне Конти, помимо указания на изобилие на острове драгоценных камней (рубины, сапфиры, гранаты, кошачий глаз) оставил описание добычи корицы из коры коричневого дерева¹⁸. Это была достоверная и весьма важная информация с точки зрения торговли, ведь за сто лет до того даже хорошо информированная о товарах и ходе восточной торговли венецианская элита не знала точно, из каких регионов корица поступала на рынки Мамлюкского султаната, откуда, в свою очередь, шла в Европу. За столетие до путешествия Конти венецианский дипломат, государственный деятель и автор проекта крестового похода против мамлюков Марино Санудо Торселло в «Книге тайн верных креста» (1306–

¹⁷ Тафур Перо. Указ. соч. С. 99–100.

¹⁸ Poggii Bracciolini. Op. cit. P. 130.

1321) отмечал, что не знает мест, где произрастала бы корица, кроме Египта (!), составлявшего территориальное ядро Мамлюкского султаната, и полагал, что это – единственный товар, которого лишатся христиане в случае торговой блокады Египта¹⁹. В отчете Конти проследживается смещение внимания от центров сосредоточения, потребления и перепродажи индийских товаров к местам их происхождения.

Большое внимание Никколо Конти уделил религиозным традициям. «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши, – сообщал путешественник, – изнутри они расписаны разнообразными фигурами, а по торжественным дням украшаются цветами; в храмах стоят идолы – каменные, золотые, серебряные и из слоновой кости, некоторые из них достигают шести футов в высоту»²⁰. Конти прямо указывал на разнообразие молитв и жертвоприношений в Индии, на подношения «по обычаю древних язычников» божествам угощений, которые раздавались бедным по завершении обряда²¹. Он оставил описание празднества колесниц в столице крупнейшей индуистской державы Юга – империи Виджаянагар, которая в 1420-е гг., когда там побывал Никколо Конти, находилась на подъеме могущества: «В Бизенегалии (Виджаянагаре) же в определенное время года устанавливают идола между двумя колесницами, в которых красиво наряженные девушки поют гимны богу. <...> Многие, охваченные жаром своей веры, бросаются под колеса, чтобы быть раздавленными, что считается приятным богу»²². За рассказом о празднике колесниц у Конти следует красочное описание других празднеств: Дивали, о котором возвещали в храмах и на крышах «бесчисленные светильники», и Холи, во время которого индийцы, громко смеясь, обливали шафрановой водой всех участников празднества, включая царя и царицу²³.

Помимо самоубийств на празднике колесниц, в отчете Конти упоминались и другие практики религиозного самоистязания. В городе Камбее, по свидетельству путешественника, жрецы перед идолами обращаются к народу с призывом оставить жизнь во имя богов. Один из распространенных способов культового самоубийства, после которого человека «считают святым», согласно Конти, – отсечение себе головы круглым железным предметом,

¹⁹ *Sanuti Torselli Marini*. Liber secretorum fidelium crucis / Ed. by Bongarius. Hannoviae: Typis Wecheliani, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii, 1611. P. 3.

²⁰ *Poggii Bracciolini*. Op. cit. P. 143.

²¹ Ibid. P. 144.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 144–145.

закрепленным на шее и приводимым в движение ногами с помощью цепи после произнесения ритуальных слов²⁴. Речь, очевидно, шла о локальных гетеродоксальных практиках умерщвления плоти. Описывая сати или аскетические подвиги локальных культов, Конти обычно не пытался дать оценку происходящему с точки зрения христианской морали, но старался указать, какой смысл им придавали сами индийцы.

Во второй части отчета папскому секретарю Конти оставил также вполне идеализированное описание брахманов:

«По всей Индии существует племя философов, именуемых браммонами, которые предаются изучению астрономии и предсказания будущего и посвящают себя образованию, достоинством которого превосходят других, и нравам более святой жизни. Он [Никколо. – *Д. В.*] утверждает, что видел среди них трехсотлетнего мужа, и это у них считается за чудо (*pro miraculo*), а он сам – за необычайное явление (*pro novitate rei*): куда бы он ни пошел, за ним всюду следовали дети. Широко распространено у многих из них искусство, которое называют геомантией. Они чаще так предсказывают будущие дела, как будто те происходят в настоящем. Они также предаются заклинаниям, вплоть до того, что могут вызывать и утихомиривать бури. Из-за этого большинство их трапезничает тайно, страшась, как бы глаза смотрящих их не сглазили»²⁵.

Под геомантией Конти, как и ранее Марко Поло, подразумевал, по всей видимости, индуистское учение об организации пространства – вастувидья. В ведении вастувидьи находятся участки для строительства, дома и помещения, в трактатах по вастувидье приводятся приметы, влияющие на судьбу будущих жителей дома, причем большое внимание уделяется также астрологическим вычислениям благоприятной для строительства даты [Тюлина 2010, с. 4]. Брахманы в отчете венецианца изображены также могущественными чародеями, способными вызывать и останавливать бурю, причем регламентация принятия пищи, предполагавшая закрытость от глаз небрахманов, трактовалась Конти как страх перед чужим колдовством или сглазом. Очень характерно, что венецианец Конти – бывалый купец-мореход, знавший толк в кораблях, – приводил в качестве иллюстрации магических способностей брахманов их умение якобы управлять ветрами. Для его рода занятий, как и для деятельности его торговых партнеров, подобные искусства были и наиболее наглядными, и актуальными.

Однако в качестве примера погодной магии в Индии Конти, завершая рассказ о брахманах, привел вовсе не индуистского свя-

²⁴ Ibid. P. 144.

²⁵ Ibid. P. 142.

щеннослужителя или «философа», а некоего араба, выступившего в роли медиума. Браччолини записал подробный рассказ венецианца о случае одержимости:

Со всей серьезностью Никколо рассказал, что, когда он стоял во главе одного корабля, судно было на семь дней застигнуто штилем посреди моря. Испуганные моряки собрались у жертвенника возле мачты и исполняли над ним разные священнодействия, танцую вокруг него и все чаще призывая по имени бога Мутию (Muthiam), чтобы штиль не продолжался. Между тем один из арабов, одержимый демоном, удивительным образом (*mirum in modum*) запел и забегал по всем кораблю, подобно безумцу. Затем он подошел к жертвеннику, проглотил несколько угольков, помещенных на него, и потребовал себе крови петуха для питья, которую он, как Никколо говорит, высосал, когда к его рту поднесли петуха с перерезанным горлом. Тогда он спросил, чего от него хотели моряки, и те попросили ветра. Он же пообещал им через три дня дать попутный ветер, который бы донес их до порта, и показывал руками, запрокинутыми за спину, какой именно он даровал ветер, также предупредив, чтобы они предусмотрительно подготовились встретить силу ветра. Вскоре после этого он, словно полуживой, рухнул наземь, а все, что незадолго до того делал и что говорил, полностью забыл²⁶.

Обещание, данное божеством через медиума, вскоре сбылось, и судно добралось до порта²⁷. Перо Тафуру Конти поведал об этом таинственном плавании в еще более явном демонологическом ключе, уверяя путешественника, что, когда он плыл по Красному морю, моряки «советовались с врагами [рода человеческого]»²⁸, которые предстали в виде черного силуэта на мачте. В отчете Конти–Браччолини эта яркая картина контакта моряков с духами отражала, скорее всего, локальные спиритические практики, особенно популярные в Южной Индии, в частности у тамиллов. Мутия в отчете Конти – единственный из индуистских богов, названный по имени, да и в целом единственный поименованный персонаж Южной Азии. М. Пирсон отождествляет Мутию из текста Браччолини с тамильским богом Muthiah [Pearson 1981, p. 120]. Скорее всего, Мутия отчета Конти – это дравидский бог войны и охоты Муруган, сын Шивы и Парвати, именуемый также Muttu и Mutthya Kumaraswami. Почитание Муругана, или Кандана, чрезвычайно распространено в Тамилнаде среди представителей всех каст [Karadia 2018, p. 142–146]. В культе Муругана у тамиллов до

²⁶ Ibid. P. 142–143.

²⁷ Ibid. P. 143.

²⁸ Тафуру Перо. Указ. соч. С. 107–108.

сих пор распространены практики одержимости этим божеством, причем считается, что Муруган гораздо чаще, чем другие божества, вызывает одержимость²⁹. В рассказе Конти об одержимости божество вошло в человека, не только не являвшегося каким-либо служителем культа, но и вообще не входившего в индуистское общество, в араба, наверняка – мусульманина, хотя сам Конти в отчете Браччолини, по-видимому, сознательно избегал разговора об исламе. Возможно, в рассказе Конти об одержимости этническая принадлежность инициатора транса и вошедшего в транс человека оказались перепутаны. Спутник Конти на корабле выступил в роли медиума.

Подобные практики очень разнообразны и широко распространены и в наши дни в ряде районов Южной Индии. Перформеры, становящиеся вместилищами божеств и духов в разных практиках контролируемой одержимости, не являются жрецами, принадлежат к очень «низким» кастовым группам и часто не имеют права входить в храм того бога, который, как считается, вселяется в них [Рыжакова 2017, с. 215]. Характерно, что и угли перформеры могут поедать, и жертвенным животным, которое подносится божеству, вошедшему в перформера, если, конечно, данное божество не «придерживается» вегетарианства, как правило, становится петух [Рыжакова 2017, с. 220–221, 234]. Можно утверждать, что венецианец сохранил достаточно подробное описание одержимости. Однако не вполне понятно, насколько эта одержимость была контролируема: в этом случае речь шла не о регулярном празднестве с жестко детерминированными ролями актеров-перформеров, а о спонтанной одержимости человека, о других одержимостях и даже о социальном статусе которого Конти свидетельств не сохранил. Согласно и сочинению Поджо Браччолини, и итинерарию Перо Тафура, Конти указывал на демоническую природу сил, к которым взывали посреди штиля на море его спутники.

Среди ученых занятий брахманов Конти упоминал и астрономию, и астрологию. Конти называл индийцев идолопоклонниками, что не мешало ему вполне уважительно отзываться о брахманах, которых он, кстати, не именовал жрецами, считая таковыми группу бахали (Bachali) в Гуджарате [Возчиков 2014, с. 216–218]. В самой средневековой Европе отношение к астрологии было достаточно сложным. Аби Варбург подчеркивал присутствие античной традиции в христианском мире Средних веков в виде широкого спектра астрологических представлений и констатировал невозможность отрицать как значимое явление практической жизни Средневеко-

²⁹ Автор благодарит за консультацию кандидата культурологии, доцента Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ (Москва) М.Б. Демченко.

вья «молчаливо терпимую христианской Церковью независимую державу языческой космологии, и особенно астрологии»³⁰. Европейская астрология вступила в новую фазу развития и переоценки в эпоху ренессансной рецепции античной традиции. Астрология была вполне востребованной дисциплиной в среде итальянских гуманистов XV в. В прославленной школе гуманиста Гуарино да Верона (1374–1460) в числе естественных наук изучалась астрология [Ревякина 2015, с. 120]. Младший современник Поджо Браччолини, знаменитый флорентийский гуманист и мистик-неоплатоник Марсилио Фичино (1433–1499), критикуя ряд положений астрологии, главным образом – за привязанность предсказаний к конкретным «случаям», и отдельных астрологов, все же не считал астрологию в целом чем-то богопротивным и бесполезным, а в ряде своих суждений оставался вполне верен средневековой астрологической традиции [Акопян 2014].

Если перформер на корабле, с точки зрения и рассказчика, и записавшего рассказ папского секретаря, явно был одержим демоном, то явление, которое путешественник Конти и гуманист Поджо считали магией брахманов, скорее всего, в целом не противоречило общему благообразному портрету «племени философов». Очень символично упоминание «трехсотлетнего» брахмана в отчете как чуда. Старец, за которым следовали изумленные дети, знаменовал, по-видимому, в глазах итальянцев второй четверти XV в. такой же реликт, каким представлялся и сам «род философов», сохранившийся со времен античности якобы в неизменности. В дальнейшей эволюции ренессансного дискурса о магии образ брахманов также нашел свое место. Марсилио Фичино во введении к трактату «О христианской религии» (1474) назвал индийских брахманов в числе тех учителей народов ойкумены до Христа, в представлениях которых отразилась божественная премудрость: «Вечная Божия мудрость установила, чтобы божественные тайные учения, по крайней мере, в самом начале религии, изучались лишь теми, кто был бы истинными любителями истинной мудрости. <...> Персы называли философов, поскольку они руководили священнодействиями, магами, то есть жрецами. Индийцы же у брахманов (*Brachmanas*) вопрошали как о природе вещей, так и об очищениях душ. У египтян математики и метафизики священством ведали и царством. У эфиопов гимнософисты таким же образом были наставниками в философии, а также

³⁰ Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / Сост. и пер. с нем. Е. Козиной, пер. с итал. Н. Булаховой; пер. с латин. Д. Захаровой. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 232.

первосвященниками их религии»³¹. Подчеркивая древность оккультных наук и глубокую ученость тех, кто в древности их практиковал, Фичино отстаивал одну из главных своих идей: магия, как и астрология, не находится в противоречии с христианской догматикой, а в практической жизни может быть и полезна [Акопян 2014, с. 74].

Богатейший bestiарий Никколо Конти, в котором нашлось место реальным и фантастическим существам и их образам из европейской, мусульманской и индуистской традиций, не входит в отдельный предмет рассмотрения данного очерка [Возчиков 2016]. Особое внимание венецианский купец уделил птицам, обычно – как экзотическому товару. Из птиц с «чудесными» свойствами Конти выделял белых попугаев кахи (Cachi, вероятно, какаду) величинной с кур, живущих на острове Бандам (о-ва Банда в Молуккском архипелаге) и умеющих не только «чудесным образом» подражать человеческой речи, но и отвечать на вопросы³². Правда, попугаи в отчете Конти «привязаны» к Нусантаре, а не к Южной Азии. Во времена Конти попугаи высоко ценились в Европе. В XIV–XV вв. попугаи были ярким и экзотическим украшением папского двора, причем попугаи сопровождали пап в поездках. В течение XIV в. и первых десятилетий XV в. при многих дворах светских властителей Европы (в частности, у короля и дофина Франции, арагонского короля и герцога Бургундского) держали попугаев, которые украшали собой многие важные события, включая свадьбы [Paravicini Bagliani 2016, p. 150–151].

Кроме экзотических, но вполне реальных птиц, вроде попугаев, в отчете Никколо Конти как нечто чудесное фигурирует баснословная птица, напоминающая феникса греко-римской и христианской традиции. Венецианец рассказал, что его восхитило звучание свирели, которая, по словам индийцев, подражала пению птицы семенды³³. Поджо Браччолини так передал легенду о ней: «Он [Никколо. – Д. В.] утверждает, что в пределах Центральной Индии есть удивительная птица, в клюве которой есть несколько отличных друг от друга трубок с множеством отверстий. Когда приходит время умирать, птица собирает в своем гнезде сухое дерево и, сидя на нем, начинает сладостно петь всеми трубками в клюве, зачаровывая слушателей. Затем птица поджигает дерево хлопанием крыльев, давая себе сгореть. Вскоре из пепла вылезает червь, из которого

³¹ *Marsilii Ficini Florentini. De Christiana religione liber // Marsilii Ficini Florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae: ex officina Henricpetrina, 1561. P. 1.*

³² *Poggii Bracciolini. Op. cit. P. 136.*

³³ *Ibid. P. 147.*

вновь рождается та же птица»³⁴. В отчете Конти феникс получил имя семенда, которое чудесная птица носила в мусульманских космографиях. В ряде персидских сочинений два «огненных» существа античной традиции – феникс и саламандра – контаминировались в птицу саламандру [Юрченко 2007, с. 624–625]. Бузург ибн Шахрияр в «Чудесах Индии» привел рассказ бывшего морехода о птице самандаль с островов Вак-Вак, которая якобы «не сгорает в огне и может жить целые дни, питаясь одной землей»³⁵. Историю семенды Конти, владевший арабским и персидским языками, по всей видимости, узнал от мусульманских купцов, с которыми торговал, вместе с рядом других сюжетов, в течение многих поколений бытовавших в торговой среде.

Для Никколо Конти – и для тех, кто «побывал» под небом Южной Азии только благодаря беседе с путешественником, – чудесное в Индии присутствовало в разных сферах жизни ее обществ и в природе. Однако, пожалуй, наибольшая «концентрация» чудес в его отчете характерна для религиозных практик.

Картина Южной Азии, оставленная во второй половине XVI в. Чезаре Федеричи, значительно отличалась от представлений Никколо Конти, причем вовсе не только в силу произошедших за отделившиеся их полтора столетия судьбоносных политико-исторических перемен в Европе и Индии. Несмотря на явственное, хотя и далеко не тотальное отступление «чудесного» из европейских представлений об Индии в XVI в., Индия продолжала восприниматься на Западе как край богатств и диковин, в которые включались искусно выполненные в государствах Южной Азии ремесленные изделия разного назначения или просто странные для европейца вещи. Общее представление о диковинном в Индии изменилось. Рассказ Чезаре Федеричи весьма показателен в этом отношении как пример одновременно демирабилизации индийского пространства в европейском воображении и как пример смещения чудесного в сферу все более конкретных, осязаемых объектов.

В индийских сюжетах своего отчета Чезаре Федеричи уделял внимание в первую очередь торговым путям и товарам. Пользуясь традиционной для западной описательной географии схемой, Федеричи делил жителей всего Востока по религиозному критерию на «мавров» (*Mori*, мусульман) и «язычников» (*Gentili*) – индуистов и буддистов. Вероучения и индуизма, и ислама, по-видимому, венецианца не интересовали. В отличие от любознательного и сдержанного (по крайней мере, в отчете Браччолини) Никколо Конти, Чезаре Федеричи был настроен резко негативно по отношению

³⁴ Ibid.

³⁵ *Бузург ибн Шахрияр*. Указ. соч. С. 110.

к индийскому «идолопоклонству» и прямо именовал индуистские обычаи, включая самоожжение вдов, «зверством», «скотством» (*bestialità*). «В это время я, – сообщал Федеричи, – видел странные и зверские дела этого языка: во-первых, принято у них сжигать мертвые тела знатных мужчин и женщин, а если умерший мужчина женат, жена обязана быть сожженной заживо с телом своего супруга...»³⁶ Федеричи расспросил индийских собеседников о происхождении обычая сати и якобы получил ответ, что он возник в древности из-за того, что женщины часто травили своих мужей при малейшем недовольстве ими³⁷.

В «этнографических» описаниях Чезаре Федеричи прослеживается брезгливое отношение ко многим сторонам повседневности посещенных им стран. В частности, повсеместно распространенный у народов Южной и Юго-Восточной Азии вне зависимости от вероисповедания бетель виделся ему исключительно наглядным свидетельством стереотипного сластолюбия жителей «Индий». Еще Никколо Конти отмечал, что в Индии повсеместно распространены «публичные женщины» и объяснял это топомом о сладострастии индийцев, «ведь индийцы склонны к сладострастию»³⁸. Венецианец XVI в. писал о традиционной для Индии, Индокитая и Нусантары жвачке как о дорогом и диковинном продукте: «Из Каннура вывозится <...> большое количество ареки, которая представляет собой плод величиной с мускатный орех. Ее едят во всех тех частях Индии и по ту сторону Индии с листом травы (*herba*), называемой бетель (*Betle*) и напоминающей наш плющ, но тоньше, и едят ее перемешанной с известью, добытой из створок устрицы. И по всей Индии каждый день тратят огромные суммы денег на эту смесь <...> Ее жевание делает зубы черными, а плевки от него становятся цвета крови. Они говорят, что это хорошо для желудка и для дыхания, но, по моему суждению, ее употребляют скорее для распущенной праздности: поскольку эта трава очень горячая, она придает им больше сил при соитии»³⁹. Избежать употребления бетеля при оформлении различных сделок в Южной и Юго-Восточной Азии самому купцу едва ли удалось. Правда, в его описании бетеля содержались неточности: в действительности один из трех важных ингредиентов жвачки, наряду с ломтиками семян пальмы *Areca Catechu* и извести, получаемой обычно из раковин, – не трава, а лист перенной лозы *Piper betle* L [Станюкович 2010, с. 310]. Федеричи видел в бетеле главным образом афродизиак, что само по

³⁶ *Federici Cesare*. Op. cit. P. 36.

³⁷ *Ibid.* P. 41.

³⁸ *Poggii Bracciolini*. Op. cit. P. 140.

³⁹ *Federici Cesare*. Op. cit. P. 51–52.

себе представлялось ему предосудительным, и с надменным скепсисом воспринимал утверждения своих индийских собеседников о полезных свойствах жвачки для дыхания и пищеварения. Бетелю в Южной и Юго-Восточной Азии исторически действительно приписываются многие полезные свойства, в том числе – и как афродизиака. О пользе бетеля для здоровья много писал магрибский путешественник XIV в. Ибн Баттута [Янковская 2015]. Мнение о бетеле венецианского купца XVI в. – яркий пример европоцентристского дискурса начала колониальной эпохи, при том что родина самого автора не располагала колониями в «Индиях», как Португалия. В рамках этого дискурса чернение зубов (специальное и в результате употребления определенной жвачки) и другие модификации тела трактовались как проявления варварства и сексуальной распущенности [Станюкович 2015, с. 252].

О чудесном в Индии в христианском смысле этого слова Чезаре Федеричи говорил вскользь, он упоминал знаменитую церковь св. Фомы, в его время находившуюся во владениях португальцев (в наши дни это – Ченнаи), и подчеркивая, что даже язычники (*Gentili*) чтили эту церковь за «многие чудеса» (*multi miracoli*) этого апостола, о которых наслышаны⁴⁰.

В отчете Чезаре Федеричи чудесное включает скорее редкостные вещи, курьезы, которые вполне осязаемы, могут быть присвоены, приобретены и перевезены в Европу как трофей или просто предмет коллекции. Характерный пример этого – описание пушек, использовавшихся «пороховыми империями» Индийского субконтинента. Среди могущественных мусульманских правителей Декана Чезаре Федеричи особо выделял по военной мощи и внешнеполитическому влиянию правителя Ахмаднагара из династии Низам-шахов (в его отчете он был назван воображаемым титулом Дзамалук, *Zamalusso*, от титула Низам аль-Мульк). Ахмаднагарский султанат был грозным противником португальцев, располагая войском в 200 тыс. человек, а также многочисленным и качественным артиллерийским парком⁴¹. Федеричи сообщал, что ахмаднагарские пушки изготавливались по частям, причем некоторые из этих пушек из-за гигантского размера невозможно было перевозить. «И, хотя они делаются по частям, – отмечал купец, – эти пушки, ядра которых изготовлены из камня, столь умело слажены, что великолепно используются в бою. Некоторые из этих ядер были отправлены в Португалию, чтобы на них как на вещь, представляющую большое чудо (*cosa di gran merauiglia*), мог

⁴⁰ Ibid. P. 71–72.

⁴¹ Ibid. P. 28–29.

посмотреть король»⁴². В данном случае к категории чудесного было отнесено ремесленное изделие, ставшее экзотическим объектом коллекционирования европейского монарха, властителя мощной колониальной империи. Показ могущества противника через трофей или иным образом полученный предмет вооружения неприятеля – наглядное визуальное средство манифестации «собственной» силы.

Поддерживавшийся «Светлейшей синьорией» в течение веков миф о венецианской исключительности (*mito di Venezia*), помимо идей об уникальности и совершенстве венецианской политической модели, также включал представление об исключительной информированности венецианцев о Востоке и об особом значении венецианской торговли и мореходства для всего христианского мира. Отчет Никколо Конти, рассказанный путешественником гуманисту Поджо Браччолини в эпоху «осени Средневековья», содержал сравнительно немного сюжетов о чудесном и удивительном, причем в его рассказах чудесное в Индии особенно тесно связано с религиозными практиками индуизма и с анималистическими сюжетами. В рассказе Конти–Браччолини было отдано должное и интеллектуальной моде Италии того времени на астрологию. Понимание чудесного в Индии у венецианских путешественников в Южную Азию в раннее Новое время было уже иным. Сверхъестественные элементы в рассказах о явлениях, относимых к чудесному и удивительному, неумолимо исчезали из описаний. Уходила и связь чудесного и удивительного с религиозными практиками. Венецианский купец XVI в. под чудесным скорее подразумевалось *экзотическое*. Если Конти умел не только удивляться увиденным или узнанным им явлениям иного общества, но и в отдельных случаях восхищаться некоторыми из них, то его соотечественник Федеричи говорил о Южной Азии уже с позиций сознания абсолютного превосходства «своей» Европы над Индией.

В целом ни Никколо Конти, ни его соотечественник XVI в. не ставили цели поведать европейскому современнику специально о чудесном или курьезном, в их отчетах чудесное присутствует эпизодически, но осознание чудесного в общем контексте приращения географического знания европейцев о Южной Азии и резкого изменения геополитических реалий в XV–XVI вв. в сообщениях путешественников из Венецианской республики претерпело значительную эволюцию.

⁴² Ibid. P. 29.

Литература

- Акопян 2014 – *Акопян О.Л.* Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 66–88.
- Бизли 1979 – *Бизли Ч.Р.* Генрих Мореплаватель. 1394–1460 / Пер. с англ. Г.И. Головнев, Г.А. Барабтарло. М.: Наука, 1979. 236 с.
- Ванина 2011 – *Ванина Е.Ю.* «Просвещенные философы» и «сотоварищи Иисуса»: первый контакт интеллектуальных сообществ Индии и Запада // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 35–59.
- Возчиков 2014 – *Возчиков Д.В.* Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 210–223.
- Возчиков 2016 – *Возчиков Д.В.* На перекрестке бестиарных традиций: животный мир «трех индий» глазами венецианца XV в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 6(50) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840001509-8-1/> (дата обращения 22.12.2019). DOI: 10.18254/S0001509-8-1
- История Индии в средние века 1968 – История Индии в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.А. Антонова, К.З. Ашрафян. М.: Наука, 1968. 726 с.
- Крачковский 1957 – *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: В 6 т. Т. 4: Арабская географическая литература. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 920 с.
- Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр., общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. 440 с.
- Ле Гофф 2002 – *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с фр. С.В. Чистяковой, Н.В. Шевченко. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 326 с.
- Мельникова 1998 – *Мельникова Е.А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе: V–XIV века. М.: Янус-К, 1998. 255 с.
- Ревякина 2015 – *Ревякина Н.В.* Гуманистическое воспитание в Италии XIV–XV веков. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 259 с.
- Рыжакова 2017 – *Рыжакова С.И.* Одержимость, служение, лицедейство: о границах культового и художественного в традициях колам (дайва-нема) Южной Канны и калияттам (тейям) Северной Кералы (Индия) // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 213–246.
- Станюкович 2010 – *Станюкович М.В.* «Сын бетельного ореха и листа бетеля»: символика Agesa Catechu и Piper Betle в фольклоре и традиционной культуре ифугао и других народов Филиппин // Этноботаника: Acta Linguistica Petropolitana. СПб.: Наука, 2010. Т. 6. Ч. 1. С. 306–340.
- Станюкович 2015 – *Станюкович М.В.* Черное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред., сост. М.В. Станюкович; ред. А.К. Касаткина. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 243–264. (Маклаевский сборник. Вып. 5)
- Тюлина 2010 – *Тюлина Е.В.* Храм, мир, текст: вастувидья в традиции пуран: исследование, перевод трактатов по вастувидье, комментарий. М.: Восточная литература, 2010. 253 с.

- Юрченко 2007 – Юрченко А.Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007. 864 с.
- Янковская 2015 – Янковская А.А. География бетеля в «Путешествии» Ибн Баттуты // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред., сост. М.В. Станюкович; ред. А.К. Касаткина. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 32–41. (Маклаевский сборник. Вып. 5)
- Charpentier 1920 – Charpentier J. Cesare di Federici and Gasparo Balbi // *Geografiska Annaler*. 1920. Vol. 2. P. 146–161.
- Das 2016 – Das N. Richard Hakluyt's Two Indias: Textual *sparagmos* and Editorial Practices // Richard Hakluyt and Travel Writing in Early Modern Europe / Ed. by D. Carey, C. Jowitt. L.; N.Y.: Routledge, 2016. P. 119–128.
- Hanafi 1992 – Hanafi H. World-Views of Arab Geographers // *GeoJournal*. 1992. Vol. 26. No. 2. History of Geographical Thought. P. 153–156.
- Kapadia 2018 – Kapadia K. Siva and Her Sisters: Gender, Caste, and Class in Rural South India. N.: Routledge, 2018. 296 p.
- Paravicini Bagliani 2016 – Paravicini Bagliani A. Il bestiario del papa. Torino: Ciulio Einaudi editore, 2016. 378 p.
- O'Connell 2004 – O'Connell M. The Venetian Patriariate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // *Renaissance Quarterly*. 2004. Vol. 57. № 2. P. 466–493.
- Pearson 1981 – Pearson M.N. Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records. New Delhi: Concept Publishing, 1981. 138 p.
- Rubiés 2000 – Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 472 p.
- Tucci 1980 – Tucci U. Mercanti, viaggiatori, pellegrini nel Quattrocento // *Storia della cultura veneta*. Vol. 3: Dal primo Quattrocento al concilio di Trento. Venezia: Pozza, 1980. P. 317–356.

References

- Akopyan, O. L. (2014), "Marsilio Ficino's Astrology and medieval tradition", *Dialog so vremenem*, no. 49, pp. 66–88.
- Alaev, L.B., Antonova, K.A. and Ashrafian, K.Z. (eds.) (1968), *Istoriia Indii v srednie veka* [History of India in the Middle Ages]. Nauka, Moscow, Russia.
- Beazley, C.R. (1979), *Genrikh Moreplavatel'. 1394–1460* [Henry the Navigator. 1394–1460], Nauka, Moscow, Russia.
- Charpentier, J. (1920), "Cesare di Federici and Gasparo Balbi", *Geografiska Annaler*, vol. 2, pp. 146–161.
- Das, N. (2016), "Richard Hakluyt's Two Indias: Textual *sparagmos* and Editorial Practices", in Carey, D. (ed.), *Richard Hakluyt and Travel Writing in Early Modern Europe*, Routledge, London, New York, pp. 119–128.
- Hanafi, H. (1992), "World-Views of Arab Geographers", *GeoJournal*, vol. 26, no. 2, pp. 153–156.
- Iurchenko, A.G. (2007), *Kniga Marko Polo: zapiski putesthestvennika ili imperskaia kosmografiia* [Marco Polo's Book: a Traveller's records or an Imperial Cosmography], Evraziia, Saint Petersburg, Russia.

- Kapadia, K. (2018), *Siva and Her Sisters: Gender, Caste, and Class in Rural South India*. Routledge, New York, USA.
- Krachkovsky, I.Yu. (1957), *Izbrannye sochineniia: v 6 t., t. 4: Arabskaia geograficheskaia literature* [Selected Works in 6 vols., vol. 4: Arabic Geographic Literature]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 920 p.
- Le Goff, J. (2001), *Srednevekovyi mir voobrazhaemogo* [The Medieval World of the Imaginary], Izdatel'skaia gruppa "Progress", Moscow, Russia.
- Le Goff, J. (2002), *Drugoe Srednevekov'e: Vremia, trud i kul'tura Zapada* [Another Middle Ages: Time, Labour and Culture of the West], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Yekaterinburg, Russia.
- Melnikova, E.A. (1998), *Obraz mira. Geograficheskie predstavleniia v Zapadnoi i Severnoi Evrope. V–XIV veka* [Image of the World. Geographical Representations in the Western and Northern Europe. 5th–14th Centuries], Ianus-K, Moscow, Russia.
- O'Connell M. (2004), "The Venetian Patriciate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete", *Renaissance Quarterly*, vol. 57, no. 2, pp. 466–493, DOI 10.2307/1261723
- Paravicini Bagliani, A. (2016), *Il bestiario del papa*, Ciulio Einaudi editore, Torino, Italy.
- Pearson, M.N. (1981), *Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records*, Concept Publishing, New Delhi, India.
- Reviakina, N.V. (2015), *Gumanisticheskoe vospitanie v Italii XIV–XV vekov* [Humanistic Schooling in Italy, 14th – 15th Centuries], Direkt-Media, Moscow, Berlin.
- Ryzhakova, S. (2017), "Self-possession, Religious Service, Theatre: On Borders of Ritualistic and Artistic Approaches in Traditions of kolam (daiva-nema) in South Kannada and kaliyattam (teyam) in North Malabar, India", *Antropologicheskij forum*, no. 34, pp. 213–246.
- Rubiés, J.-P. (2000), *Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Stanyukovich, M.V. (2010), "Son of Betel Nut and Betel Leaf: the Symbolism of Areca Catechu and Piper Betle in Oral Literature and Traditional Culture of the Ifugao and Other Peoples of the Philippines", In *Etnobotanika. Acta Linguistica Petropolitana*, Nauka, Saint Petersburg, vol. 6, part 1, pp. 306–340.
- Stanyukovich, M.V. (2015), "Black and White. Betel, Teeth Blackening and Filing, and Colonial Prejudices", In Stanyukovich, M.V. (ed), *Betel', kava, kola, chat. Zhevateľnye stimulatory v ritual'e i mifologii narodov mira. Maklaevskii sbornik* [Betel, Kava, Cola, Chat: Chewing Stimulants in Ritual and Mythology. MacLay Publications], Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk, Saint Petersburg, pp. 43–64.
- Tiulina, E.V. (2010), *Khram, mir, tekst: vastuvid'ia v traditsii puran: issledovanie, perevod traktatov po vastuvid'e, kommentarii* [Temple, World, Text: Vastuvidya in the Puranic Tradition: Research, Translation of the Vastuvidya Treatises, Comments], Vostochnaia literatura, Moscow, Russia.
- Tucci, U. (1980), « Mercanti, viaggiatori, pellegrini nel Quattrocento », in *Storia della cultura veneta*, Pozza, Venezia, vol. 3, part 2, pp. 317–356.
- Vanina, E.Yu. (2011), "The Illuminated Philosophers' and 'Companions of Jesus': the First Intellectual Contact between the Indian and the Western Intellectual Communities", in *Dialog so vremenem*. Iss. 36, pp. 35–59.

- Vozchikov, D. (2014), "Religious Practices of India and Southeast Asia. A Report of a 15th Century Venetian Traveller", in *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 210–223.
- Vozchikov, D. (2016), "On the Crossroad of the Bestiary Traditions. The Fauna of 'Three Indias' in a 15th Century Venetian Traveller's Report", in *ISTORIYA*, vol. 7, iss. 6 [Online], Access for registered users, available at: <https://history.jes.su/s207987840001509-8-1/> ((Accessed 22.12.2019), DOI: 10.18254/S0001509-8-1
- Yankovskaya, A.A. (2015), "The Geography of Betel in 'The Journey' of Ibn Battuta", in Stanyukovich, M.V. (ed), *Betel', kava, kola, chat. Zhevatel'nye stimulatory v rituale i mifologii narodov mira. Maklaevskii sbornik* [Betel, Kava, Cola, Chat: Chewing Stimulants in Ritual and Mythology. Maclay Publications], Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk, Saint-Petersburg, Russia, pp. 32–41.

Информация об авторе

Дмитрий В. Возчиков, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Россия, Екатеринбург, 620000, ул. Тургенева, д. 4; catullus89@mail.ru

Information about the author

Dmitry V. Vozchikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; bld. 4, Turgeneva Str., Yekaterinburg, 620000, Russia; catullus89@mail.ru